

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 168

Поиск достойного ответа историческому вызову России

И. И. Кальной

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Российская Федерация, Республика Крым, 295007, Симферополь, пр. Вернадского, 4

Для цитирования: *Кальной И. И.* Поиск достойного ответа историческому вызову России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 277–287. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.211>

В 2017 г. Россия отмечает очередной исторический юбилей, это событие демонстрирует реальность исторического вызова, который ждет достойного ответа. Суть исследовательской задачи состоит в поиске добротной идеи, которая может обеспечить дееспособное и деликтоспособное мировоззрение людей; определении субъекта поиска ответа на исторический вызов, кому под силу эта миссия, чья это прерогатива и призвание, каков механизм осуществления этой идеи; исследовании потенциала интеллигенции как оптимального субъекта участного сознания, предрасположенного к анализу очередного исторического вызова и готовности не только искать идею ответа на этот вызов, но и принять участие в ее осуществлении. Методы исследования: системный подход, принципы взаимосвязи, взаимодействия и взаимообусловленности, сравнительный анализ прошлого и настоящего. Результаты исследования: у отечественной интеллигенции есть возможность заявить о себе в статусе идейной составляющей субъективного фактора общественного развития, от которого зависит перспектива страны.

Ключевые слова: исторический вызов, ответ, идея ответа, интеллигенция, интеллект, объективные условия, субъективный фактор.

В 2017 г. Россия отмечает очередной исторический юбилей. Величие этого юбилея вряд ли найдет воплощение в монументальном памятнике, сравнимом с памятником «Тысячелетия России». Но воспоминания о событиях столетней давности все чаще и чаще вызывают вопрос, а что дальше, что ожидает Россию? Она может ждать или должна искать достойный ответ очередному историческому вызову в условиях тотальной глобализации мира и лихорадочного поиска нового мирового порядка. Похоже, что современная Россия принимает второй вариант, но он со-

пряжен с решением проблемы оптимального соотношения объективных условий и субъективного фактора с дефицитом участного сознания и с иждивенческими настроениями людей общества потребления как общества переходного периода.

История новоевропейской цивилизации пережила переходные периоды от одной исторической эпохи к другой (эллинизм и Ренессанс). Сегодня она находится в состоянии постмодернизма. Все эти периоды объединяет общая ситуация: старая школа ценностных ориентиров не работает, а новая не складывается. Страдает общество, страдают люди в поисках своей меры отношения к миру при отсутствии дееспособной нормативной пирамиды. Негативную сторону времени перемен хорошо подметил и определил китайский мыслитель Конфуций. Жить в состоянии неопределенности, приумножающей напряженность, очень трудно. Люди выбирают путь выживания, отменяя не только долгосрочное, но и краткосрочное планирование. Ситуация усугубляется деформационными процессами в системе общественных координат. Политики клянутся в верности народу, заявляют о готовности служить народу и защищать его интересы в отсутствии... народа.

Народ — это особая общность людей, которая складывается, как правило, в годину всеобщей опасности в результате внешней экспансии. На защиту от внешнего агрессора выходят и стар и млад; мужчины и женщины; здоровые и больные; представители разных национальностей и разной конфессиональной принадлежности. В своем единстве люди демонстрируют готовность умереть, но не оказаться в руках врага.

Как только опасность потери своего общего лица, общей идеи, общих ценностных ориентиров исчезает, социальная категория «народ» уступает место «населению». Эта общность людей имеет размытый системный характер. Это скорее ассоциация людей, а не их общность. Ее составляющие классифицируются по полу, возрасту, национальной и конфессиональной принадлежности, по избранной профессии и т. д. Взаимосвязь этих составляющих не исключает, а предполагает в каждом конкретном случае доминанту личного интереса и соответствующего поведения, направленного на осуществление своего интереса, даже если это находится в противоречии с нормативной пирамидой общества. Казалось бы, человек в процессе своей жизнедеятельности ориентирован только на выгоду, которая обеспечивает ему благоприятную среду обитания. На практике человек нуждается в той самостоятельности, которая выше его рассудка, ибо человек — существо своевольное, тяготеющее не только к созиданию, но и к разрушению, а подчас и к саморазрушению.

Ныне человечество вступает в цифровой мир. Человек уступает счетной машине. Компьютеризация, как составляющая цифровой цивилизации, властно теснит индустриальную цивилизацию. Актуализируется необходимость адаптировать эту сверхскорость, что ведет к смене парадигмы образовательной системы. Учитель из источника знаний превращается в навигатора. Место аналогового обучения занимает цифровая реальность в форме знака и значения. Дети адаптируются легче и быстрее своих родителей и учителей. Тургеневская проблема «отцов и детей» обретает новое прочтение, которое выливается в очередное противостояние консерваторов, живущих стереотипами прошлого опыта, и новаторов, устремленных в будущее. Старшее поколение не спешит признать в своей неспособности быть на высоте требований текущего момента. Исторический вызов обретает характер

антропологического вызова, где биологическое «я» уступает место цифровому «я». Стало быть, поиск достойного ответа историческому вызову существенно усложняется, актуализируя вопрос: кто в состоянии найти добротную идею и обеспечить достойный ответ?

Отсутствие народа и наличие на его месте населения усугубляет проблемы общества переходного периода. Оно вынуждено либо переживать время исторического вызова без всякой надежды, либо уйти в поиск той добротной идеи, которая должна лечь в основу достойного ответа историческому вызову. Эта идея должна стать базовым основанием формирования участного сознания людей, осознающих меру своей ответственности за то общее дело, в пределах которого оптимально решаются общие и личные интересы каждого. Благополучие Родины, ее национальная безопасность — гарант благополучия тех, кто связал свою судьбу с судьбой своего Отечества. Такая позиция не исключает, а предполагает поиски ответа на вопрос, кто может и будет искать идею достойного ответа историческому вызову. И вновь страна возвращается к лозунгу «Кадры решают всё». Правда, остается открытым вопрос, о каких кадрах идет речь. Григорий Александрович Потемкин-Таврический как незаурядный государственный заложил основания перспективного дискурса России. Ныне можно только гадать, что было бы, если бы проект Потемкина не состоялся. Он состоялся, но еще далек от завершения, ибо ожидает достойных усилий наследников светлейшего князя. В глазах агрессивной Европы российский Крым всегда был лакомым геополитическим куском, но Россия как могла обеспечивала его сохранность. Откровенная оккупация последних 25 лет родила протестное сознание, и весной 2014 г. население Крыма при всем его этническом и конфессиональном разнообразии изъявило желание вернуться в лоно России. Сегодня Крым является субъектом Российской Федерации. Его судьба определяется судьбой России, которая переживает свой очередной исторический вызов.

Анализ социальных структур, составляющих общество России переходного периода, свидетельствует в пользу интеллигенции. Это та сила, которая может заявить о себе в ипостаси интегративного субъекта участного сознания, способного включиться в поиск идеи достойного ответа историческому вызову. Интеллигенция не класс и не партия, не клуб по интересам и не разновидность этноса или конфессии. Это ассоциация свободных людей, рассыпанная «соль» Отечества, «больная совесть» своей Родины; это люди повышенной социальной активности, демонстрирующие неравнодушие и ответственность за свое участие в жизни общества.

Феномен интеллигенции вызывал и продолжает вызывать бесконечные дискуссии. Ныне стало модным в элитных салонах вести речь о расколе интеллигенции. Поскольку субъектом интеллигенции выступает не структура, а ярко выраженная индивидуальность, то трудно представить, на какие части ее можно расколоть (расчлнить). Разговоры о расколе интеллигенции свидетельствуют, скорее, о необходимости подлинной интеллигенции размежеваться с псевдоинтеллигенцией. Последняя рядится под интеллигенцию и дискредитирует ее в глазах общественного мнения, используя разного рода сомнительные средства массовой информации, чья ложь правдоподобна, а обещания вызывают искушения. Автор этой статьи приглашает поразмышлять над вопросами:

- Что представляет собой многоликий и многомерный феномен интеллигенции?

- Каков ее потенциал?
- Ориентирована ли она исключительно на платоновскую идею блага и может ли этот ориентир обернуться злом?
- Насколько обоснованна претензия интеллигенции на статус духовного наставника общества, его интеллектуального поводыря?
- Является ли интеллигенция определенным ресурсом модернизации общества или это продукт ее собственного воображения?
- По каким параметрам феномен интеллигента совпадает с интеллектуалом, а по каким принципиально от него отличается?
- Интеллигенция — это «цвет», составляющая интеллектуальной элиты или интеллектуальное меньшинство, обреченное на исчезновение?
- Интеллигенцию мучает собственная совесть или ее социальная активность опосредована официальным долгом?
- Приспособление и обособление — это норма или аномалия поведения?
- Притязание и призвание — это игра в слова или дисциплинарная матрица поступков, поведения людей?
- Может ли интеллигенция быть субъектом гуманитарного образования и продуцировать идеи достойного ответа очередному историческому вызову и кто может заменить ее в этом амплуа?
- Почему интеллигенция, идеологизируя коллизии общества, оказывается невостребованной, когда дело доходит до их разрешения?
- Может ли интеллигенция «расколоться»?
- Почему интеллигенция была и остается объектом апологии и критики?..

Список вопросов можно продолжить, ибо они возникли не сегодня. Они были и остаются предметом исследовательской практики наших предшественников и современников, не утратив актуальной значимости и требуя к себе пристального внимания в ожидании достойного ответа. Интеллигенция сохраняет определенную аморфность, но это еще не повод отождествлять «образованного» человека с интеллигенцией, ибо никакие дипломы не сделают сами по себе образованного человека интеллигентом. Отношение к интеллигенции все еще противоречиво. Одни связывают с ней надежды, а другие сваливают на нее всю ответственность за промахи, даже если интеллигенция не имела к ним никакого отношения. В очередной раз приходится констатировать необходимость обстоятельного анализа феномена интеллигенции, включая ее историю, теорию и практику, не опускаясь до субъективной апологетики или критики.

Чтобы ответить на заявленные вопросы, следует заглянуть в историю становления и развития интеллигенции и уточнить, при каких обстоятельствах состоялось рождение феномена интеллигенции. Другими словами, необходимо понять, что может интеллигенция как составляющая субъективного фактора общественного развития и чего от нее ждут, какие надежды на нее возлагают в условиях тотальной глобализации мира.

Общество индустриальной цивилизации исчерпало свои возможности, о чем свидетельствуют нарастающие кризисы во всех его сферах. Не оправдал себя либерализм как идеология индустриального общества [1]. Лозунги этой идеологии трансформировались в декларации. Постмодернизм заявил о себе наступлением очередного переходного периода для новоевропейской цивилизации, история

которой хранит память об эллинизме и Ренессансе. Несмотря на особенности каждого периода, их объединяют три этапа: деконструкции, поиска идей новаторских проектов и выход общества в новое качество.

В условиях постиндустриальной цивилизации актуализируются вопросы о потенциале интеллигенции, о ее претензиях и ее предназначении. Поиск ответа на эти вопросы обуславливает необходимость уяснить причину, вызвавшую к жизни феномен отечественной интеллигенции. По общему признанию, истоки отечественной интеллигенции следует искать в Петровских реформах, направленных на модернизацию общества по европейским образцам, хотя историки не без основания указывают также на XV–XVI вв., когда в противостоянии «нестяжателей» и «иосифлян» решалась перспектива России. Противостояние всколыхнуло социальную активность, вызвало к жизни незаурядную индивидуальность с готовностью действовать и отвечать, принимать решения и нести ответственность за судьбу Отечества. «Нестяжатели» заложили основание концепции западников, а «иосифляне» — славянофилов. Можно спорить о фигурантах этих концепций, но бесспорно то, что в этом поле особого напряжения и противостояния складывалась история отечественной интеллигенции.

Либерализация дворянства привела к тому, что наиболее просвещенная часть общества оказалась «лишними людьми». Они изъявляли готовность служить Отечеству, но отказывались прислуживать кому-либо. Вольная публицистика вызвала осознание вины дворянского сословия перед народом-кормильцем. Возник феномен интеллигенции в формате «кающихся дворян» [2, с. 10].

В обиход русского языка термин «интеллигенция» вошел в середине XIX в., а его история начинается в далеком прошлом. Апологет античной философии Марк Туллий Цицерон обращается к этому слову в трактате «О природе богов»... Тогда оно означало «разумность» и «способность понимать».

Отмена крепостного права вызвала реформы, в том числе и устранение сословий. Образование стало общедоступным, что обусловило появление «критически мыслящих личностей» из разночинцев [3]. Эта плеяда интеллигенции уже не испытывала чувства вины перед народом-кормильцем. Более того, в своей готовности взять ответственность за судьбу своего Отечества она рассматривала народ как ударную силу осуществления своих идей, неустанно повторяя слова о том, что «идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами». Новая интеллигенция с готовностью к самопожертвованию складывалась в поиске своего предназначения через выработку отношения к власти и народу; формировании мировоззрения через утверждение принципа критики и самокритики, иронии и самоиронии. Проверка своих возможностей средствами то ли проекта, то ли прожекта так называемой революции 1905–1907 гг. вызвала необходимость осуществить анализ событий и определить место и роль в них интеллигенции. В 1909 г. вышел в свет сборник «Вехи» [4]. Оценивая итоги революции, один из авторов сборника, П. Б. Струве, имел все основания заявить о том, что революция — это неоправданное вмешательство в исторический процесс. Результаты революции оказались плачевны не потому, что ее делали плохо, а потому, что ее вообще делали, вторгаясь в естественный ход событий и демонстрируя приверженность к крайним мерам.

Интеллигенция рассматривала людей как ударную силу революции и последующего переустройства общества, не принимая во внимание автономию личности

в обществе, ее право выбора своего отношения к проблемам общества. Такой взгляд определялся концепцией «героя и толпы», где герой заявлял о себе в качестве революционера, демонстрируя готовность пожертвовать своей и чужой жизнью во имя блага абстрактного народа, который не принял интеллигенцию «критически мыслящих личностей», ибо не было народа, а было население — люди, придерживавшиеся разных взглядов и разных интересов.

Не выдержало проверку и отношение новой интеллигенции к власти, где институт государства обеспечивает дееспособность права в статусе регламента жизнедеятельности людей. Государство как «авторитет власти» приняло эстафету «власти авторитета», но еще не пришло время передать эту власть в руки качественно иной «власти авторитета». Интеллигенция изначально заявила о себе как оппонент государства.

И, наконец, интеллигенция, состоявшая из «критически мыслящих личностей», проигнорировала религиозное сознание, которое пробуждало совесть, хлело ростки человечности в человеке. Интеллигенция разночинцев предпочла моральный нигилизм и нетерпимость, фанатизм и экстремизм.

Чего еще не учли авторы сборника? От «Вех» 1909 г. оставался всего лишь один шаг до революции 1917 г., и он состоялся, несмотря на прямые предупреждения этого не делать. Почему этот шаг был сделан? Этот вопрос продолжает привлекать внимание исследователей феномена интеллигенции и сегодня, сохраняя свою актуальность в условиях глобализации.

После выхода в свет аналитического сборника «Вехи» последовал поток эмоциональных публикаций. Его условно можно разделить на критику и апологетику веховских идей. В своем докладе на съезде Таврической национальной ассоциации 27 октября 1920 г. В. И. Вернадский ставит вопрос о новой интеллигенции: «Мечтать о реставрации (вчерашнего дня. — *И. К.*) могут только люди, абсолютно лишенные чутья реальной действительности. Не вернется и старая форма русской интеллигенции. Она погибла в обломках революции, и это хорошо, ибо вина за многое, что совершилось и совершается, лежит на ней — старой русской интеллигенции» [5, с. 568–569]. По своей сути это был манифест — «оглашение всенародного дела», от решения которого зависела судьба народа. Впереди были тяжелые будни строительства нового мира, где переплетались героизм и трагедии, романтизм и драмы. Была Отечественная война 1941–1945 гг. и праздник Победы со слезами на глазах вдов и детей войны, а также непомерные усилия по восстановлению народного хозяйства. Это была проверка на прочность народа и его интеллигенции. Не все получилось так, как мечтал В. И. Вернадский в 1920 г. Шкала ценностных ориентиров, связанных со строительством коммунизма, рухнула. Страну захлестнула волна безысходности и безнадежности. Подобно «Титанику», Советский Союз погружался в бездну небытия, порождая растерянность и истерию на всех уровнях системы координат функционирования общества.

В 1997 г., в условиях поиска достойного ответа на очередной вызов истории, состоялась конференция «Роль русской интеллигенции в формировании картины мира». Итогом конференции стал еще один сборник статей, авторы которого попытались ответить на вопрос, почему процесс перестройки 80-х годов в Советском Союзе трансформировался в «катастрофу», почему интеллигенция не выполнила или не могла выполнить своего предназначения, несмотря на то что она склады-

валась как альтернатива мещанству, олицетворяющему застой, пошлость и самодовольство [6].

История интеллигенции сохранила как положительные, так и негативные оценки. Осуществляя их сравнительный анализ, можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, интеллигенция не является целостным образованием. Каждый социальный фрагмент создает условия формирования собственной интеллигенции как группового субъекта защиты своих интересов и формирования своей идеологии.

Во-вторых, интеллигенция является неотъемлемым элементом любого общества, ориентированного на развитие. Она выступает душой культуры общества, его духовным наставником.

В-третьих, в каждой стране, в каждом фрагменте общества, как правило, есть свое интеллектуальное меньшинство, из которого формируется своя интеллигенция, призванная формировать идеологию решения актуальных проблем общественного развития.

В-четвертых, вероятно, есть смысл искать различие между интеллигенцией и интеллектуалами. Если интеллигенция — душа культуры, то интеллектуал — визитная карточка цивилизации. Интеллигент должен быть интеллектуалом, но интеллектуал далеко не всегда является интеллигентом.

В-пятых, интеллигенция не имеет прямого отношения к собственности на средства производства. Она рискует утратить свое содержание, свою идентичность, свою свободу, ибо находится на содержании, «кормлении». Противовесом служит то, что ценностные ориентиры интеллигенции являются производными от общечеловеческих гуманистических ценностей, а посему ее поведение — это «ежедневное и ежечасное несение подвига ради общечеловеческого благоденствия» (А. Ф. Лосев).

В-шестых, что касается отечественной интеллигенции, то ее идеи и политические вкусы, как правило, заимствованы из европейского опыта, а не рождены своей культурой.

В-седьмых, интеллигенция — это определенная группа лиц, точнее, ассоциация людей, объединенных идеями, совестью и чувством ответственности, демонстрирующих внеклассовость и внесловность, тягу к солидарности и справедливости, но лишенных структурной организованности, что чревато потерей единомыслия и отсутствием целостного субъективного фактора.

В-восьмых, страстное желание свободы таило и таит возможность вырождения интеллигенции в своеобразную деспотию, сторонники которой востребовали экстремизм и террор, тяготели не к диалогу и компромиссу, а к жесткому противостоянию с властью, где народ из объекта внимания и заботы превращался в средство осуществления сомнительных проектов.

Сделанные выводы позволяют ответить на вопрос, что может и чего не может современная интеллигенция. Она может раствориться в служении общему делу, но она не может преодолеть дистанцию, которая отделяет ее от массы. Осваивая общечеловеческий опыт и обеспечивая преемственность культуры, представители интеллигенции не без основания претендуют на статус вдохновителей гуманитарного дискурса, первооткрывателей общечеловеческой цели, но эта деятельность интеллектуального меньшинства далеко не всегда воспринимается благожелательно.

Как правило, интеллектуальному меньшинству противостоят три силы: власть, население и сама интеллигенция. Любая власть тяготеет к консерватизму. Консер-

ватизм обеспечивает власти стабильность и надежность в условиях ориентира на принцип «здесь и сейчас». Поэтому власть воспринимает новые идеи скорее враждебно, чем дружелюбно; большинство населения также тяготеет к консерватизму. Когда люди не живут, а выживают, они предпочитают сохранять условия вчерашнего дня перед лицом новых идей, приумножающих неопределенность и непредсказуемость дня завтрашнего. Первооткрыватели родом из прошлого. Они несут на себе печать сложившихся ценностных ориентиров и стереотипов поведения. Поэтому далеко не все идеи трансформируются в идеалы с последующим оформлением в дееспособные проекты.

Для представителей интеллигенции характерны: вечное удивление и сомнение; анализ и самоанализ; ирония и самоирония, критика и самокритика; размышление о мире и о своем отношении к миру; глубокое чувство сострадания и милосердия; тяга к солидарности и справедливости; вопрошание, что делать, сохранив честь и не разменяв долг служения на прислуживание, не утратив уважительного отношения к инакомыслию. Надежда на осуществление своего призвания не исключает трансформации притязаний в очередные иллюзии. Вероятно, этим объясняется невос требованность интеллигенции практически во всех сферах управления, тяготеющих к консерватизму и демонстрирующих конъюнктуру с ориентиром на осуществление принципа «здесь и сейчас». Такие качества интеллигента, как честность, порядочность и принципиальность, обусловлены не моралью конкретного общества, а той нравственной ответственностью человека в обществе, которая складывается в процессе воспитания, просвещения и обучения через приобщение к наработанному гуманитарному опыту. Основу этого опыта составляют гуманистические ценности, подтвержденные многовековой практикой. Над ними уже не довлеет время.

Как уже было отмечено, в своей транзитивности общество проходит три этапа: разрушение, поиск дееспособных идей выхода из тупика и осуществление этих идей. В этом процессе интеллигенция может и обязана занять свое место и выполнить свое предназначение, обеспечив точку необратимости на первом этапе, поиск идей достойного ответа историческому вызову — на втором, и осуществление дееспособной идеи — на третьем этапе, где решаются вопросы выхода общества из кризисного состояния. Реальность сегодняшнего дня подтверждает, что есть проблема и ее нужно решать средствами гуманитарного образования.

Если гумус — это тончайший слой земли, который обеспечивает жизнь на Земле, то гуманитарное образование — это тончайшая пленка, которая обеспечивает оптимальное решение противоречий между родовой, социальной и духовной сущностями человека. Жизнь показала, что субъект гуманитарного знания должен быть умным и честным, порядочным и принципиальным, воспитанным и образованным. Только в этом статусе Учитель обретает власть авторитета и способность влиять на подрастающее поколение. Другими словами, Учитель должен быть интеллигентом, а не только интеллектуалом. Это не так просто в условиях информационного общества, которое требует пересмотра сложившихся стереотипов, предлагая взамен новые ценностные ориентиры, редактирующие смысл и образ жизни в условиях «здесь и сейчас». Похоже, только интеллигенция может взять на себя ношу нравственного возрождения того Отечества, в котором слышится «отец, отчий Дом и молитвенное Отче» [7, с. 159]. Возрождая себя, интеллигенция возрождает и общество, преодолевая состояние «спектакля», где законодателями моды выступают шоу-власть и шоу-

право, где бал правят симулякры (тени) и где общество функционирует не за счет прибавочной стоимости товара, а за счет эстетической стоимости знака. В этих условиях теряется самооценочность человека и труд не рассматривается как возможность самореализации и самовыражения. Из положительного фактора созидания общества и общественного человека он превращается в средство отчуждения человека от процесса производства, от результатов своего труда и от самого себя. В условиях смены парадигмы общественного развития и перехода общества от индустриального к информационному, существенно девальвируется и второй фактор антропосоциогенеза — общение. Из средства субъектно-субъектного отношения оно трансформировалось в коммуникацию субъектно-объектного отношения. Другой в статусе объекта рассматривается как объект интереса, манипулирования, использования. Он уже не другой как зеркало для проекции и идентификации, а чужой. Отчуждение от труда усугубляется отчуждением на уровне межличностных отношений, открывая дорогу к одиночеству, ностальгии и депрессии. Идет критическое накопление негативной энергии, накопление разрушительных сил. Противостоять деструктивному процессу может только процесс гуманитарного образования и возрождения подлинной интеллигенции.

Путь возрождения лежит в первую очередь через осуществление гуманистического дискурса образовательной системы. В свое время И. Кант сделал вывод о том, что просвещение — это своеобразный выход человека из состояния несовершеннолетия... Несовершеннолетие — это неспособность пользоваться своим рассудком без руководства [8]. Несовершеннолетнему нужен Учитель, чтобы пройти между крайностями и не оказаться заложником одной из них. Этим Учителем может быть только интеллигент, выступающий носителем гуманистических ценностей. Только с помощью Учителя несовершеннолетний может обуздать свое животное себялюбие, свой эгоцентризм и открыть глаза на свое призвание служить общему делу, а не прислуживать частному интересу. Без помощи Учителя-интеллигента несовершеннолетний будет всегда потенциально опасным существом не только для общества, но и для себя.

Для того чтобы стать челом своего века, солью земли Отечества, Человеком с большой буквы, нужно достичь того уровня духовного мира, который создается не усилиями естественных наук, а средствами гуманитарного образования и гуманитарного просвещения. Они прививают ту человечность, без которой человек — это все что угодно, но не человек. Это не вина людей, а скорее беда общества, которое стало игнорировать гуманистические ценности, отдавая предпочтение звону благородного металла [9].

Несомненно, что и гуманитарное образование, и гуманитарное просвещение, и гуманитарное воспитание несут на себе печать исторической ограниченности. Они всегда обусловлены средой, уровнем подготовки Учителя и настроением ученика. Ситуация усугубляется необходимостью смены парадигмы образования в условиях перехода от индустриальной цивилизации к постиндустриальной, когда акцентируется проблема не учиться репродуктивно, чтобы знать, а учиться, чтобы быть, демонстрируя адекватность перед ликом новых проблем и готовность их решать.

Только через гуманитаризацию образования можно сделать первые шаги к возрождению духовности человека. В этом процессе особая роль принадлежит той интеллигенции, которая выступает носителем гуманистических ценностей,

демонстрируя, что она выше политических, национальных, религиозных и прочих пристрастий и симпатий; что она способна воспитывать граждан и патриотов своей Родины; воспитывать готовность к служению своему Отечеству.

Поскольку интеллигенция родом из прошлого, то идеи (проекты ее носителей) могут, увы, оказаться идолами или прожектами. Все это только подчеркивает непростую судьбу интеллигенции, претендующей на то, что бы считаться первопроходцем и хранителем традиций и обычаев своей культуры. Тем не менее можно констатировать, что интеллигенция с ее способностью расшифровывать знаки будущего в прошлом по своей сути есть не только субъект будущего в настоящем, но и субъект гуманитарного настоящего. Прививая людям человечность, интеллигенция помогает им решать проблему самопознания и вырабатывать оптимальное отношение к миру, открывая смысл своей жизни и коррелируя его с образом жизни, поступками в повседневной жизни и даже с отношением к смерти. Воспроизводя себя, интеллигенция может продуцировать идеи достойного ответа очередному историческому вызову, осуществив свои притязания и выполнив свое призвание.

Литература

1. Белл Дж. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. М.: Academia, 1999. 724 с.
2. Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. М.: Наука, 1993. 341 с.
3. Лавров П. Л. Исторические письма // Лавров П. Л. Философия и социология. Избр. произв.: в 2 т. М.: Мысль, 1965. Т. 2. С. 87–110.
4. Вехи (Сборник статей о русской интеллигенции). М.: Молодая гвардия, 1991. 462 с.
5. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-Пресс, 2004. 576 с.
6. Роль русской интеллигенции в формировании картины мира. М.: Наука, 1997. 294 с.
7. Корольков А. А. Духовный смысл русской культуры. СПб.: Изд-во РГПУ, 2006. 739 с.
8. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Собр. соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 25–36.
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 640 с.

Статья поступила в редакцию 22 мая 2017 г.;
рекомендована в печать 8 февраля 2018 г.

Контактная информация:

Кальной Игорь Иванович — д-р филос. наук, проф.; igor_kalnoy@mail.ru

Search for an appropriate response to the historical challenge of Russia

I. I. Kalnoy

V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
4, pr. Vernadskogo, Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation

For citation: Kalnoy I. I. Search for an appropriate response to the historical challenge of Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2018, vol. 34, issue 2, pp. 277–287. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.211>

New European civilization, including Russia, is experiencing the third transition period after Hellenism and Renaissance. The old scale of values does not work, and the new one is still emerging. The situation is exacerbated by total globalization and the search for new world

order. The hallmark of the historic challenge is the uncertainty of the nearest days and psychological tension. Both society and people suffer.

Goals and objectives of the study. Through a comparative analysis of the past and the present, the author examines the causes of the crisis and states that in Russia this crisis is burdened by the legacy of the past, the specifics of development with a reference from the power of authority to authority of power. This trajectory could not stand the test of strength in February 1917. In 2017, Russia celebrates its centennial. The upcoming event demonstrates the reality of the historic challenge, which awaits a worthy response.

The essence of the research task is:

- Finding a sound idea that can provide a capable worldview of people;
- determining the subject of the search for a response to a historical challenge, who is capable of this mission, whose prerogative and vocation it is, what is the mechanism for implementing this idea;
- Investigating the potential of the intelligentsia as the optimal subject of the participative consciousness predisposed to analyze the next historical challenge and readiness not only to seek the Idea to answer this challenge but also to participate in its implementation.

Research methods: system approach, principles of interrelation, interaction and interdependence, comparative analysis of past and present.

The results of the research: the domestic intelligentsia has the opportunity to declare itself in the status of an ideological component of the subjective factor of social development, on which the country's perspective depends.

Keywords: a historical challenge, response, the idea of response, intelligentsia, intellectual, objective conditions, subjective factor.

References

1. Bell D. *Griadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniia* [The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting]. Transl. by V.L. Inozemtsev. Moscow, Academia Publ., 724 p. (In Russian)
2. *Intelligentsiia. Vlast'. Narod: Antologiiia* [Intelligentsia. Power. People: Anthology]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 341 p. (In Russian)
3. Lavrov P.L. Istoricheskie pis'ma [Historical letters]. Lavrov P.L. *Filosofiiia i sotsiologiiia. Izbrannye proizvedeniia* [Philosophy and sociology. Selected works], in 2 vols. Vol. 2, pp. 87–110. (In Russian)
4. *Vekhi. (Sbornik statei o russkoi intelligentsii)* [Milestones. Collection of articles on Russian intelligentsia]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1991. 462 p. (In Russian)
5. Vernadsky V.I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow, Airis-Press, 2004. 576 p. (In Russian)
6. *Rol' russkoi intelligentsii v formirovaniu kartiny mira* [The role of the Russian intelligentsia in shaping the picture of the world]. Moscow, Nauka Publ., 1997. 294 p. (In Russian)
7. Korol'kov A. A. *Dukhovnyi smysl russkoi kul'tury* [The spiritual meaning of Russian culture]. St. Petersburg, Izd-vo RGPU, 2006. 739 p. (In Russian)
8. Kant I. *Otvét na vopros: chto takoe Prosveshchenie?* [Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?]. Kant I. *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 6 vols. Vol. 6. Moscow, Mysl', 1966, pp. 25–36. (In Russian)
9. Fromm E. *Anatomiia chelovecheskoi destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. Transl. by E. M. Telyatnikova, T. V. Panfilova. Moscow, Respublika Publ., 1994. 640 p. (In Russian)

Author's information:

Igor I. Kalnoy — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; igor_kalnoy@mail.ru